

МИРА ФОРСТ

МАРИНКИНА БАШНЯ

18+

Мира Форст
Маринкина башня

«Автор»

2023

Форст М.

Маринкина башня / М. Форст — «Автор», 2023

ISBN 978-5-0059-9068-6

На уроках истории Агнеша скучала. Преподавателей слушала плохо, домашние задания перепоручала другу детства. Но что делать, если ты оказываешься в центре событий своей курсовой работы? И не где-нибудь, а в замке польского воеводы Юрия Мнишека. Как поступить – помочь авантюристам, или не вмешиваться в ход исторических коллизий?

ISBN 978-5-0059-9068-6

© Форст М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. В которой Агнеша вынуждена слушать уроки истории	5
Глава 2. В которой Агнеша знакомится с семьей польских магнатов	26
Мнишек	
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мира Форст

Маринкина башня

Глава 1. В которой Агнеша вынуждена слушать уроки истории

– Жена Лжедмитрия I Марина Мнишек – расчетливая авантюристка, а ее отец Юрий Мнишек – мошенник и интриган. Семейка польских шляхтичей собиралась обосноваться в Московском Кремле и склонить Русь к католичеству, – скрипучим голосом читал лектор.

Студенты третьего курса Таможенной академии старательно записывали. Вредный и нудный историк при отсутствии конспектов мог не допустить до экзамена.

Агнеша Аверина откровенно скучала. Украдкой глянула на часы. До конца лекции еще двадцать минут.

– Маринка возомнила себя царицей Московской, – продолжал преподаватель.

– А ты возомнил, что история самый важный предмет для таможенников, – прошептала Люда Смолина, соседка Авериной по парте.

– Можно подумать, знания о периоде Смуты пригодятся нам для учета конфискованных товаров, – поддержала ее Агнеша.

Девушки хорошо представляли, чем будут заниматься по окончании вуза. Уже дважды проходили они практику на таможне в аэропорту и неплохо изучили нюансы своей будущей профессии.

Наука история давалась Агнеше с трудом. Четверку в школьном аттестате по этому предмету она получила благодаря однокласснику Саше Черных, написавшему за нее все контрольные и итоговый реферат. В отличие от нее, приятель историей увлекался и даже учиться пошел на музейное дело в институт Культуры.

Она надеялась, что вместе со школой попрошались и с уроками истории. Да не тут-то было. Ненавистный предмет числился в расписании два семестра подряд. И нет бы, вел его милейший профессор Чайка Максим Григорьевич, который читал лекции у других групп, работал на трех работах и благосклонно относился ко всем студентам без исключения. Максим Григорьевич никогда не отправлял учеников на пересдачу, ведь в этом случае ему придется задерживаться, выделять дополнительное время, которого у него попросту нет.

Но Агнеше не повезло. У ее группы занятия вел Горелик Михаил Леонидович. Этот престарелый дядечка не имел никаких научных регалий и получил должность доцента лишь за выслугу лет. В стенах академии он проводил время с утра до вечера, тщательно и придирчиво проверял все студенческие работы. Зачеты и экзамены ему пересдавали подолгу.

– Ближайшие две недели я буду отсутствовать, – внезапно сообщил историк.

И решил пояснить:

– Еду в Нижний Новгород, представлять нашу академию на гуманитарных чтениях.

Студенты радостно загудели.

– Но вы не расслабляйтесь, – подленько улыбнулся Михаил Леонидович. – С вас курсовая работа. Подходите за темами.

– Не может просто так свалить, – ворчала Люда, – обязательно надо нас напрягать. Уверена, он так всех на кафедре достал, что декан факультета его специально в Нижний Новгород сослал, с глаз долой. Мне даже жалко тех, кто на эти чтения приедет. Как только такого занудного мужика жена терпит?

Агнеша прыснула.

Когда подошла ее очередь получать задание, Михаил Леонидович неожиданно спросил:

– Аверина, почему у тебя имя польское?

– Моя мама полячка, а папа русский. Они в Варшаве познакомились.

– А польский язык знаешь?

– В совершенстве, – совсем не рисовалась Агнеша.

С мамой они до сих пор частенько разговаривали по-польски.

– Вот и отлично, – непонятно чему обрадовался историк.

Причина радости стала девушке ясна с последующей репликой.

– Твоя тема для курсовой – русско-польские взаимоотношения в начале XVII века.

– Не повезло? – поняла Смолина по лицу подруги, когда та вышла из аудитории.

Самой ей досталась более-менее лояльная тема – опричный террор во времена Ивана Грозного. Во всяком случае, на тройку наболтать с первого раза может и получиться.

– Он считал весьма смешным дать тему о русско-польской политике студентке с польским именем, – досадливо поморщилась Агнеша.

Но она не умела долго злиться или печалиться и уже через минуту печатала сообщение бывшему однокласснику Саше Черных с просьбой написать за нее курсовую. А что? Сашка вряд ли откажет, а ей всего-то и надо будет вызубрить то, что он напишет.

Ответ пришел без заминки. Как и ожидалось, Саша согласился помочь. Агнеша знала, что парень делает это не ради ее красивых глаз, а ради любимой истории. Он готов был часами просиживать в архивах и библиотеках, погружаясь в события минувших лет.

– Агнес, сходим в кино завтра? – предложила Люда. – И Алексея с собой позовем.

В старшего брата Агнеша, Людмила была давно влюблена. С тех пор, как увидела его однажды на первом курсе. Он забирал после занятий свою младшую сестру. Она и с Агнес тогда подружилась только из-за него. Хотела стать поближе к предмету своего обожания. Образ двадцатипятилетнего, высокого, русоволосого и голубоглазого Алексея преследовал ее. А работа в федеральной службе надзора здравоохранения придавала ему дополнительный вес. Девушка делала все возможное, чтобы обратить на себя его внимание, но пока безрезультатно.

– Прости, Люда. Завтра не могу. Павлик какой-то сюрприз приготовил. Сказал – украдет меня на целый день.

Агнеша мечтательно улыбнулась, но заметив погрузневшее лицо подруги, поспешила добавить:

– Но мы можем пойти в воскресенье. И Алешку я уговорю.

– Отлично, – обрадовалась Люда. – Ты мне ведь потом расскажешь, что за сюрприз тебе Паша приготовил?

– Обязательно.

Они попрощались и направились на разные автобусные остановки. Жили девушки в противоположных сторонах большого мегаполиса.

Агнеша вернулась домой раньше остальных членов семьи и решила заняться выбором наряда для завтрашнего дня. Паша, ее молодой человек, суть сюрприза не раскрыл, предупредил только, что одеться надо буднично.

Заглянула в прогноз погоды. Обещают вполне теплый апрельский денек.

Джинсы, платье или юбка? Она мерила все подряд и тщательно осматривала себя в огромное зеркало, установленное на дверце одежного шкафа в прихожей.

Агнеша не была такой уж красавицей, но себе она нравилась, оттого нравилась и другим. Ее непоколебимая уверенность в своей неотразимости передавалась всем, кому доводилось с ней общаться. Средний рост, узенькое лицо. Ее несомненными достоинствами являлись – изящность, тонкая талия, большие серо-голубые глаза в обрамлении настолько объемных и длинных ресниц, что не было необходимости красить их тушью. К недостатку своей внешности Агнеша относилась слишком тонкие и ломкие волосы светло-русого цвета. Эту про-

блему она решала с помощью регулярной щадящей химической завивки. Получались красивые крупные локоны, спускающиеся ниже лопаток.

– Я дома, – открыла входную дверь Божена.

– Привет, мама! – поцеловала женщину в щеку девушка.

– О, какая ты у меня сегодня штучка! – оценила Божена вид дочери в яркой оранжевой водолазке и узких черных джинсах-дудочках.

– Но завтра я все же надену что-нибудь другое, – решила Агнеша.

– Алексей еще не приходил?

– Нет. Но ты же знаешь, вечер пятницы он иногда проводит с сослуживцами или друзьями.

– Что одно и то же, – немного ворчливо заметила мама, выкладывая на кухонный стол продукты, купленные по дороге из детской балетной студии, где она работала хореографом. – Лучше бы с девушкой какой познакомился.

– Мы с Людой в воскресенье в кино идем. Я Алешку с нами уговорю идти.

– Агнес, думаю, если бы твоя Люда нашему Алексею нравилась, он давно начал бы за ней ухаживать.

– Ты права, – согласилась Агнеша. – Но Люда настойчива, так что, все еще может измениться, – дала она шанс подруге, хотя и видела, брат не проявляет к той никакого интереса.

По ее мнению, Людмила была очень даже ничего, вся такая маленькая, ладненькая, с аппетитными формами. Но у Алешки, видимо, имелись свои критерии оценки женской красоты.

– Всем привет!

Домой прибыл глава семьи. На фоне его крупности жена и дочь смотрелись прямо-таки крохами.

Двадцать шесть лет назад Матвей Аверин, инженер одного из российских авиационных заводов, без памяти влюбился в балерину варшавского театра. Матвей приехал в польскую столицу по рабочим вопросам в составе большой делегации, для которой поляки организовали культурную программу, и одним из мероприятий стал балет. Маленькая, хрупкая Божена покорила сердце мужчины, и уже через полгода парочка поженилась. Матвей привез жену в Москву, где ему от родителей досталась просторная трехкомнатная квартира. Своего первенца они назвали русским именем, а для девочки по желанию Божены выбрали имя польское. Алексей ростом, фигурой пошел в отца, а Агнеша в тонкую и гибкую мать.

Брат этим вечером, как она и предполагала, завис с друзьями в клубе. Агнеша отправила ему сообщение о воскресных планах сходить в кино, завела будильник на шесть утра и, предвкушая целый день наедине с Павлом, легла спать.

Наутро распахнула глаза от громкой трели. Шесть утра, да еще выходной день. Агнеша натянула одеяло до самого носа, приготовившись спать дальше. Но в миг подскочила, вспомнила о сюрпризе. Паша должен заехать за ней ровно в семь.

Они встречались уже почти четыре месяца. Познакомились в новогоднюю ночь на катке, куда Агнеша пришла со своими сокурсниками по академии, а Павел с компанией шумных и веселых друзей. Агнешка буквально свалилась ему под ноги, зацепившись лезвием коньков о небольшую выбоину на льду. Павел тогда испугался, наклонился помочь, да рухнул сам. Девушка рассмеялась, а он вслед за ней.

Он был старше на два года, работал в лицензионном отделе солидного банка, учился на вечернем отделении Финансового университета.

Она не могла еще с уверенностью сказать, что встретила любовь всей своей жизни, но пока меж ними все шло хорошо. Паша красиво ухаживал, дарил цветы и подарки, устраивал их совместный досуг и, вообще, настроен был вполне решительно, даже познакомил со своими родителями.

Агнес все же одела оранжевую водолазку с узкими брючками, сверху накинула легкую курточку. И позволила себе опоздать на несколько минут.

– Привет, солнышко! – поцеловал ее в щеку Павел. – Прекрасно выглядишь.

– Ты тоже, – обняла она его.

Заметила, что он подстригся, побрился. Из-под расстегнутой кожаной куртки виднелась отглаженная белая рубашка. Уж не предложение ли он собрался мне сделать? – промелькнуло в голове Агнеши.

Паша относился к тому типу мужчин, которые ее притягивали – брюнет, не крупный, но и не худощавый, достаточно высокий, с красивыми чертами лица. Все в нем было привлекательно для нее, но с замужеством она бы повременила. Слишком хорошо ей в родительском доме. Не готова она еще к глобальным переменам в своей жизни.

– Так ты скажешь, куда мы едем?

– Скоро все узнаешь, – открыл он для нее дверцу своего автомобиля марки Лада Веста.

Помог застегнуть ремень безопасности, снова поцеловал и затем уж устроился на водительском сиденье.

Через полчаса Паша припарковал машину неподалеку от автовокзала.

Заинтригованная Агнеша крутила головой, пытаясь понять куда он ее ведет.

– Коломна? – с изумлением рассматривала она табличку на ярком туристическом автобусе, в который по списку загружались сонные туристы.

Некоторые держали в руках пластиковые стаканчики с кофе, у иных она заметила термосы.

– Да. Я решил свозить тебя на экскурсию в Коломну.

Паша помолчал и немного неуверенно добавил:

– Сотрудница из моего банка купила путевку на двоих, но у нее изменились планы, и она всех спрашивала, кто хочет поехать. Я подумал, что это может быть интересно.

Агнеша улыбнулась. Мимолетное недоумение и даже недовольство сменились искренним восторгом.

– Паша, твой сюрприз очень оригинален! Мне нравится. И я тоже думаю, что будет интересно.

Павел заметно расслабился. Все-таки переживал за реакцию девушки. Но Агнеша, как обычно, продемонстрировала свой легкий нрав и готовность поддерживать все его идеи. Он был сильно влюблен в нее и собирался сегодня вечером сделать ей предложение. В кармане его куртки дождалось своего часа изящное колечко с аквамаринным камешком.

– Так, все на месте, – бодро оповестил сопровождающий группы, когда двери автобуса закрылись за последним опоздавшим к назначенному времени туристом. – Меня зовут Юлиан. И я ваш гид на весь день.

Агнеша хмыкнула. Юлиану явно хорошо за пятьдесят, но при этом мужчина старался молодиться, что со стороны выглядело немного потешно.

– Путь до Коломны займет примерно два часа, – продолжал гид. – Но поверьте, время пролетит незаметно, так как всю дорогу я собираюсь рассказывать вам о тех исторических событиях, которые имели место быть по маршруту нашего следования.

Агнеша решила поспать. Положила голову на плечо Павла и под плавный ход автобуса и монотонный бубнеж Юлиана спокойно заснула. Ей даже что-то снилось. До тех пор, пока у женщины, сидящей через проход, не свалилась на пол сумка. Этот тяжелый звук разбудил Агнес. Она открыла глаза. Павел спал, бережно обнимая ее за плечо. Девушка вспомнила где находится, определила, отчего случился разбудивший ее звук и прислушалась к тому, что говорит их гид.

– Сегодня вам доведется увидеть Коломенский Кремль, который считается замечательным сооружением с точки зрения фортификации, – то ли читал, то ли говорил по памяти Юлиан, с удобствами разместившийся на двух креслах в начале автобуса.

Девушка не видела его, только слышала усиленный микрофоном голос.

– Башни Кремля расположены так, что позволяли жителям города вести активную борьбу против захватчиков, – продолжал экскурсовод. – Каждая башня имеет свое имя. Так, одна называлась Мотасовой¹. Согласно легенде, на ней четыреста лет сидел черт и мотал ногами, пытаясь ввести горожан во грех. А самая примечательная башня Коломенского Кремля – Маринкина. Названа в память о польке Марине Мнишек, авантюристке и жене авантюристов – самозванцев Лжедмитриев. Несостоявшуюся российскую правительницу заточили в эту самую башню. Куда потом делась царица, неизвестно. Только коломчане до сих пор рассказывают, будто обернулась Маринка сорокой и улетела через окно-бойницу.

Что за чушь? – возмутилась мысленно Агнеша. Какая еще сорока? Она припомнила, Горелик на лекциях говорил о Марине уничтожительно и с таким же скептицизмом, как и сейчас Юлиан.

К своему стыду, историю польского народа Агнес не знала. Совсем. Фамилию Мнишек связывала с бронзовым бюстом, виденным ею в Рыцарском зале Королевского замка в Варшаве². Она была там однажды с мамой.

Ей стало интересно, что за женщиной была эта самая Марина, если сквозь века вызывает столь сильную неприязнь в историографии. Расчетливой, опытной интриганкой? А может быть женщина просто влюбилась в мужчину, выдававшего себя за царевича, и последовала за ним, не задумываясь ни о какой политике? Почему никто не рассматривает такой вариант?

Агнеша аккуратно, стараясь не разбудить Павла, достала из своей сумки телефон. Набрала сообщение Черных:

«Саш, сколько было лет Марине Мнишек, когда к ней посватался Лжедмитрий?».

Она предполагала, что друг еще спит и собралась уже убрать телефон, как пришел ответ: «Шестнадцать».

Агнеша в недоумении глядела на эту цифру.

«Ты не ошибся?»

«Нет. Это точно. И, кстати, по поводу твоей просьбы. Я еще пару лет назад проводил масштабное исследование о смутном времени, там много информации про польско-русские отношения. В самый раз для курсовой. Перешлю тебе сегодня на электронную почту».

«Спасибо. Очень выручил. С меня презент».

Саша в ответ прислал картинку улыбающегося моржа.

Агнешка хихикнула. Ее друг был похож на моржа. Он об этом знал и философски подходил к особенностям своей внешности.

Она все-таки невольно разбудила своего спутника.

– Что тебя развеселило?

– Ничего особенного, – улыбнулась она Паше. – Представляешь, Марину Мнишек заклеили авантюристкой и интриганкой, а девочке, когда ее сосватали, оказывается всего шестнадцать лет!

– Предполагаешь, в таком возрасте интриг не плетут?

– Я в шестнадцать лет интересовалась комиксами, аниме и косметикой для проблемной кожи.

Паша расхохотался.

¹ Не сохранилась до наших дней. Башня рухнула (предположительно в 1856 году) с самого основания, подточенная водой. Ее изображение можно увидеть на рисунках разных лет, сделанных художниками, посетивших Коломну.

² Наряду с великими людьми Польши, Рыцарский зал Королевского замка в Варшаве украшает бронзовый бюст отца Марины Мнишек – воеводы Юрия.

– Агнеша, тебе и сейчас, в двадцать один, нравятся плюшевые мишки.

Она не удержалась и тоже засмеялась.

Туристы в автобусе стали просыпаться, а Юлиан решил, что рассмешил молодую парочку забавным случаем, о котором он сейчас рассказывал и потому не стал делать им замечание.

– У нас очень насыщенная программа, – предупредил гид, когда уже в Коломне водитель поставил автобус на специальную стоянку для туристических групп. – Сперва посещение краеведческого музея и исторический обзор на территории Кремля. Далее обед. После – музей пастилы, музей калача и напоследок – музей медовухи. Если по времени уложимся, успеете еще сфотографироваться в средневековых костюмах на фоне интерьеров прошлого.

– Хорошо, что я одела туфли на удобной танкетке, а не на каблуках, – порадовалась Агнеша.

– Не переживай, если устанешь, буду носить тебя на руках, – пообещал Паша.

День для парочки прошел чудесно. Им все нравилось. Благоприятствовала хорошим впечатлениям и теплая безветренная погода, и сытный обед в местном ресторане, и умопомрачительный запах, исходящий от калачей с хрустящей корочкой, и красивые коробочки, в которые укладывалась купленная пастила.

К концу экскурсионной программы подуставшие туристы вновь оживились. В музее медовухи им предложили дегустацию, что привело к всеобщему приподнятому настроению.

– Агнес, куда тебе столько медовухи? – смеялся Павел. – Ты уже купила три пакета калачей и пастилы.

– Родителям, брату, Людмиле. И Саше Черных я презент обещала, он мне материал для курсовой работы нашел.

– Остались силы фотографироваться в костюмах? – поинтересовался у группы Юлиан.

Поразительно, но гид-пенсионер выглядел полным энтузиазма и самым бодрым из всех.

Мнения насчет фотосеанса разделились. Мужская часть экскурсантов голосовала за возвращение в автобус. По жаждающим взглядам не трудно было догадаться, что на обратном пути планируется продолжение дегустации. Но женский состав группы не желал покидать славную Коломну без памятных фотографий в средневековых костюмах.

– Разделимся, – предложил Юлиан. – Кто устал, отправляется в автобус и там ждет остальных.

– Агнеш, я пас. Честно говоря, обряжаться в кафтан сил и желания уже нет.

Паша держал в двух руках пакеты со всем тем, что они закупили, и Агнеша сжалась.

– Хорошо. Ты иди в автобус, а я все-таки очень хочу примерить на себя наряд другой эпохи.

Она чмокнула Павла в щеку и присоединилась к той части группы, которую повел за собой Юлиан.

Фотограф, молодой, вертлявый мужчина с тонкой бородкой, подждал у Маринкиной башни.

Агнеша присмотрелась. А ведь башня-то самая высокая на общем фоне, не такая конечно, как башни Московского Кремля, но все же. Она обратила внимание, что верхняя ее часть украшена зубцами из белого камня и в целом напоминает корону.

– Выбирайте костюмы, – пригласил всех Юлиан к большому сундуку.

А фотограф добавил:

– Как переоденетесь, заходите внутрь башни. Там у нас специальные композиции устроены для разных эпох.

Агнеша выбрала ярко-красное платье из тонкой материи в густую складку спереди и широкими рукавами. К платью прилагался белого цвета с золотистой отделкой большой отложной воротник в форме пелерины.

Она немного провозилась с неудобной шнуровкой платья, из-за чего вошла в башню одной из последних.

Первый этаж оказался разделен на своеобразные секции с реконструкцией исторических сценок, начиная со времен Дмитрия Донского и до прихода к власти большевиков.

Безусловно, все дамы пожелали сделать снимки в каждой секции, и фотограф принялся за работу.

– Можно по башне походить? – спросила Агнеша Юлиана.

Она не хотела стоять без толку, дожидаясь, когда подойдет ее очередь занять место перед камерой.

– Можно. Только тут восемь этажей и смотреть особо нечего, – предупредил ее гид.

– Я только наверх и обратно.

Смотреть действительно было особо нечего. Толстые стены, деревянные настилы на полах, множество окошек-бойниц.

Пустота. И тишина. По мере того, как Агнеша поднималась по крутым каменным ступенькам все выше, шум, производимый туристами на первом этаже, стихал. Ступила на площадку последнего восьмого этажа.

Бедная девочка, – жалела добрая Агнес незнакомую ей царицу, заточенную когда-то в это тесное и унылое пространство. Она предполагала, что в Коломну Марина Мнишек попала уже не ребенком, а будучи взрослой девушкой. Но все равно жалела.

Выглянула в узенькое окошко. Обзор так себе, внизу – поблескивает водная гладь речки Коломенки, сверху виден кусочек неба. Смотрела ли Марина в это окошко, как и она сейчас? О чем думала? Плакала ли? Надеялась ли на спасение? И как она тут вообще находилась, в помещении, продуваемом ветром? Оконца-бойницы ведь ничем не закрыты от непогоды.

Радостное настроение сегодняшнего дня сменялось печалью.

Надо поскорее возвращаться вниз, к людям, – решила Агнеша.

Отошла от окошка, уже ступила на ступеньку, но заметила на кирпиче одной из стен что-то выбивающееся из общей картины, какое-то цветное пятно.

При ближайшем рассмотрении пятно приобрело очертания рисунка, выполненного голубой и золотистой красками.

– Полумесяц, страусиное перо, – вслух проговорила девушка. – Какой странный рисунок. И почему он здесь?

Провела по картинке ладошкой. И, словно в кино, от ее прикосновения в стене стал образовываться проем. Кирпичная кладка отъезжала в сторону, открывала в толще стены перед изумленной Агнешкой потаенную дверь с массивной кованой ручкой в виде двуглавого орла с поднятыми крыльями³.

1583 год. Польша Округ Опочно. Воеводство Лодзь. Город Джевица

Семья воеводы Джевицкого праздновала наступление Нового года. Божене казалось, что в замке собралось все население Лодзенского воеводства. Хотя, чему тут удивляться, в Лодзе и проживает всего-то около трех тысяч человек, а замок ее отца единственная значительная постройка в округе.

Замок представлял собою двухэтажную каменную крепость прямоугольной формы, окруженную рвом. На втором этаже располагались личные покои хозяев, а помещения первого этажа использовались для служебных нужд и для проведения застолий. Вот, как сегодня.

³ Впервые в отечественной геральдике двуглавый орел с поднятыми крыльями появляется на печати Лжедмитрия I. Ранее царственный орел изображался с опущенными крыльями.

Во главе праздничного стола восседал сам воевода Мацей Джевицкий. По правую руку от него архиепископ Станислав Карнковский, друг и наперсник. Именно он много лет назад ходатайствовал перед королем о пожаловании воеводства Мацею.

Божена прислушивалась к их разговору. Отец со Станиславом обсуждали возможность открытия духовной семинарии. Она вдруг отвлеклась, уловила далекий детский плач, встрепенулась, но мать крепко сжала ее руку.

– Кормилица рядом с девочкой, – едва слышно прошептала Катажина Джевицкая. – Сосредоточься на Яцке.

Сорокадвухлетний князь Яцек Порыцкий положил свою жирную лапищу на бедро Божены. Девушку чуть не вырвало. Но она сдержала рвотный позыв и обернулась к нему с улыбкой.

– Вы нетерпеливы, князь.

– Мне не терпится назвать Вас своей женой, – ощупывал он лицо девушки пьяно-масляным взглядом, продолжая сжимать ее бедро.

Божене было жаль нового темно-персикового платья, пошитого по последней испанской моде, с многочисленными разрезами, из-под которых проглядывала нижняя сорочка изумрудного цвета. Это платье очень шло ей, красиво оттеняло зеленые глаза и каштановые кудри. Она рассчитывала поразить Вацлава. А теперь на материи останутся жирные пятна от пальцев этого борова.

Попыталась отвлечься, абстрагироваться от шума, царящего в парадном зале, от жадных рук противного Яцка. Стала вспоминать такую же новогоднюю ночь, только годом ранее. Все, что происходило накануне того праздника и все, что случилось позже.

– Саноцкий староста⁴ решил провести ежегодный рыцарский турнир в Джевицах, – сообщил тогда Мацей жене и дочери. – Староста приедет со своей семьей и свитой.

– Разве не в Кросно? – забеспокоилась Катажина.

Если турнир к дню Святого Сильвестра⁵ перенесли в Джевицы, то у нее всего две недели на подготовку замка к принятию рыцарей.

– В Кросно негде разместить лошадей. Своя конюшня там слишком мала, а та, что строили к турниру, загорелась. Не успеют новой к праздникам поставить, – пояснил воевода.

– Староста уедет сразу после турнира? – уточнила его жена.

– Нет. Юрий Мнишек задержится у нас, как и часть рыцарей.

И если мать восприняла новость нервно, то Божена обрадовалась. Рыцарский турнир в Джевицах последний раз проходил пять лет назад. Ей тогда было всего двенадцать лет. Но она помнила свой восторг от столкновения рыцарей, когда они сходились стенка на стенку. Чтобы девочка не боялась, отец объяснил ей, что сражаются мужчины тупым оружием – копьями с закругленными, а не с острыми концами, поэтому удары, наносимые противниками друг другу, не являются смертельными и не представляют большой опасности.

– Только никому не рассказывай, – предупредил отец. – Это секрет. Иначе зрителям будет неинтересно.

И Божена вдвойне чувствовала себя счастливой, оттого, что разрешили присутствовать на самом настоящем рыцарском турнире, и оттого, что ее посвятили в тайну, о которой не знают другие дамы. И пока шляхтички⁶ бледнели, краснели и падали в обморок, она, Божена, демонстрировала стойкость духа.

⁴ Староство – территория из нескольких округов, закрепленная за старостой. Староства раздавались королями в управление представителям знатных семейств с условием выплаты четвертой части доходов в государственную казну. Власть старосты в те времена была фактически безгранична. Саноцкое староство – земля Восточных Карпат.

⁵ День Святого Сильвестра празднуется в Польше 31 декабря, фактически вместе с Новым годом.

⁶ Шляхта – польское дворянство.

– Надо же, какая у тебя невозмутимая дочь, – удивился один из друзей Мацея. – И не вскрикнула ни разу.

Отец с дочерью понимающе переглянулись.

Помимо турнира, Божене очень уж хотелось увидеть чету Мнишек. Ходили слухи, что пана Юрия скоро назначат старостой Самборы, самого богатого староства в королевстве, а о его жене Ядвиге все в один голос твердят, будто она писаная красавица.

Молва не обманула, пан Юрий выглядел значительно, а Ядвига оказалась хрупкой яркой брюнеткой с большими выразительными глазами. Супруги привезли в Джевицы и своих двух малолетних сыновей – Яна и Станислава.

Божена все дни до их приезда усердно помогала матери в подготовке замка к встрече гостей. Чтобы разместить всех рыцарей, а также свиту воеводы Мнишека, освободили несколько вспомогательных замковых построек, и Катажина поручила дочери приводить их вместе со слугами в жилой вид.

За день до дня Святого Сильвестра замок наводнили гости. Божена украшала большой каменный плац, на котором пройдут поединки, ленточками. Руки мерзли без варежек, и она периодически прятала их в карманах беличьей шубки.

– Помочь?

От неожиданности выронила атласную ленточку, наклонилась, хотела поднять, но ее опередили.

– Держи, – протянул ей ленту молодой мужчина.

Она молча взяла цветной лоскут, случайно соприкоснувшись с незнакомцем пальцами.

– Да ты совсем замерзла, – ухватил он ее за руки, приложил в районе груди к своему теплому плащу, подбитому куньим мехом, и накрыл ладонями.

Божена затаила дыхание. Что-то происходило с ней, что-то необыкновенно прекрасное. Ей было всего семнадцать лет, она не имела никакого опыта в амурных делах, но интуитивно понимала, что вот этому незнакомцу всего за несколько минут удалось занять место в ее сердце.

А он... смотрел с улыбкой и продолжал греть ее маленькие ручки.

Какие у него необыкновенные черные глаза, – подумала она, – и улыбка добрая.

– Вацлав Врона, – представился он.

– Не слышала о таком роде, – удивилась Божена. Выправка, одежда выдавали в нем рыцаря и дворянина, но она не могла припомнить среди польской аристократии такую фамилию.

– Я из Мазовии⁷, – пояснил Вацлав.

Вот почему его говор немного отличается от привычного, – поняла девушка. Все ее знания о мазовшанах сводились к тому, что живут они своей общностью и тяготеют к протестантским взглядам соседней Пруссии.

– Божена, я все же помогу привязать тебе эти ленты.

– А разве ..., – начала она.

Но Вацлав опередил.

– Вчера тебя представили пану Юрию Мнишеку. Я запомнил.

– Ты приехал с воеводой?

– Да. Я служу у Мнишека. Состою в его свите.

– И что, будешь участвовать в турнире?

– Буду. А ты будешь за меня болеть?

– Буду, – улыбнулась девушка.

⁷ Мазуры или мазовшане, коренное польское население, до 1526 года проживающее в независимом Мазовецком княжестве. В 1526 году включено в Польскую корону.

Хозяева замка и их гости наблюдали за поединками с двухэтажной внутренней галереи, отапливаемой через закрытые печи, так что следить за разворачивающимся действием на плацу было вполне комфортно.

С двух сторон арены ожидали рыцари, они величественно восседали на своих ратных конях. В закрывающих лица забралах, мужчины казались мрачными и важными. Их лошади рыли копытами землю от нетерпения.

– Господа! – поднялся с почетного места Юрий Мнишек. – Сегодня состоится бой, в котором рыцари сражаются половина на половину. Оружие – мечи и копья. Запрещается наносить удары острием, только плашмя, и не по лицу. Запрещается бить лежачего и подвергать увечью. Ведите бой честно – не нападайте с тылу, не разите противника ниже пояса, не горячите коня, на котором сидит соперник. Лучшего бойца выберут зрители, и в награду победитель получит золотую цепь с осыпанным бриллиантами медальоном с изображением нашего славного короля Стефана Батория!

Пока пан Юрий оглашал правила, Божена рассматривала рыцарей. В гобассонах⁸, доспехах и мантиях все они казались намного крупнее, чем когда были без всей этой рыцарской атрибутики. Вацлава она узнала по черной мантии и нашлемнику в виде вороны⁹. А вообще, каких нашлемников только не было – драконы, химеры, головы кабанов, сфинксы, орлы, кентавры. И у каждого обязательно набит герб на щите. На щите Вацлава был выбит герб Мнишек – семь страусиных перьев, опирающихся на полумесяц.

Интересно, – подумалось Божене, – на гербе рода Джевицких тот же полумесяц, только рогами вверх, а над ним пять страусиных перьев.

– Объявляю турнир открытым! – закончил свою речь саночкий староста.

Прозвучал сигнальный рожок.

Натянутые веревки, что сдерживали коней, отпустили. Соперники ринулись навстречу друг другу, столкнулись на середине.

Послышался треск ломаемых копий. Их отбрасывали, и тотчас доставали мечи. Бой не останавливался из-за сломанного оружия. Рыцари старались выбить противника из седла. Через какое-то время вся арена была усеяна обломками оружия, кусками лат и кольчуг, шишаками, перьями, цветными ключьями оборванных мантий и поясов.

Уж не соврал ли ей отец пять лет назад о безопасности поединка? – засомневалась Божена. Она следила за одним единственным воином. Испугалась, когда на Вацлава налетел тяжеловесный рыцарь из Львова и нанес ему сразу несколько ударов, выбил оружие из рук.

Божена явственно ощутила жгучее напряжение взглядов соперников сквозь скважины забрал.

Но Вацлав оказался не менее сильным, не менее ловким, чем его могучий противник. Он прижал к груди щит, отразил удар, наклонился к гриве коня, а затем и сам стал наносить ужасные удары невесть как оказавшимся в его руках мечом, да с такой быстротой, что Божена едва успевала следить за стремительностью этих движений.

Вацлава, как и еще пятерых воинов, до конца всеобщей схватки с коня не сбили.

Громкий звук медных труб ознаменовал окончание поединка.

Зрители выбрали победителя – рыцаря из Демблина. Но для Божены не было лучше рыцаря, чем Вацлав Врона.

– Для славных ратников растоплена баня, – пригласил Мацей участников турнира смыть с себя грязь, пот и кровь. – А вечером, всех, кто пожелает остаться, приглашаем на праздничный ужин!

⁸ Гобассон – фуфайка из простеганной тафты или кожи.

⁹ Фамилия Вацлава Врона (Wrona) – буквально «ворона».

Божена готовилась к ужину излишне тщательно. Она хотела предстать перед Вацлавом во всей красе. Выбрала слишком яркий наряд, слишком смелый по своему цветовому сочетанию, но осталась довольна. Закрытое платье насыщенного голубого цвета с узким лифом, красивой отделкой из стекляруса и короткой пелеринкой на шее. Голову украсила бархатной шапочкой с малиновой оторочкой.

– Божена, после ужина и танцев отправляйся в свои покои. В замке слишком много мужчин. Чужих. Незнакомых. А твой отец распорядился не жалеть вина, – напутствовала Катажина.

– А фейерверк? – насупилась девушка.

– Посмотришь из окна.

Мама говорила что-то еще, но она уже не слушала. Появление в зале Вацлава привлекло все ее внимание. Мужчина облачился в легкое полукафтанье, доходящее до колен. Оно красиво обрисовывало подтянутую фигуру. Одевание было темно-синим с серебряной вышивкой и очень подходило к его черным волосам и таким же глазам. Распорядитель подвел Вацлава к столу. Божена вздохнула, их посадили слишком далеко друг от друга.

За столом она совсем не могла видеть Вацлава. Они сидели по одному ряду, и даже если сильно наклониться, все, что могла увидеть Божена – это манжет его кафтана.

– Ты не заболела? – спросила Катажина.

– С чего ты взяла? – удивилась вопросу Божена.

– Обычно ты хорошо кушаешь. А сегодня не съела даже своего любимого осетра.

– Платье слишком узкое, боюсь, его застежка не выдержит праздничной еды, – соврала девушка.

Но Катажина вроде удовлетворилась ответом дочери.

Наконец, объявили танцы. Божена вся подобралась. Пригласит или нет? А что, если он собирается танцевать с кем-то другим? С чего она вообще решила, что понравилась ему?

– Потанцуешь со мной? – опередил Вацлав другого кавалера, направлявшегося в сторону хозяйской дочки.

Счастливая девушка вложила свою руку в его. Все сомнения разом улетучились.

Они танцевали только друг с другом, танец за танцем, и быстрый краковяк¹⁰, и неспешный полонез, и все другие танцы, что играли музыканты.

Катажина с тревогой посматривала на парочку. Ей не нравилась та игра взглядов, которую вели меж собой ее дочь и этот незначительный дворянчик. Не такого будущего они с отцом запланировали для своего единственного ребенка. Женщина собралась уже под каким-либо предлогом увести Божену из зала, но ее отвлекли заботы хозяйки замка, и она не заметила в какой миг дочь ускользнула с праздничного веселья.

– Эту комнату я сама готовила для гостей, – засмеялась Божена, когда Вацлав привел ее в отведенные ему небольшие апартаменты в одном из вспомогательных помещений замка.

– Значит, твои нежные ручки касались всех этих предметов?

– Так и есть, – опять рассмеялась Божена.

– Я польщен.

Вацлав увлек ее за собою на кровать, посадил к себе на колени, крепко обнял.

– Ты околдовала меня, божья девочка¹¹.

– А ты меня, – сильнее прижалась она к нему.

Вацлав аккуратно поцеловал ее в губы и, не встретив сопротивления, стал целовать уже по-другому.

¹⁰ Краковяк – популярный польский народный танец. Появился в Кракове, отсюда его название.

¹¹ Значение имени Божена – божья, благословенная.

Божена парила, пребывала в сладостной грезе. Была слегка пьяна от вина. И сильно пьяна от любви. Она отвечала на поцелуи Вацлава со всей возможной пылкостью, позволяла ему расстегивать застёжки своего платья, позволяла ему гладить ее оголенный живот, грудь.

– Божена, клянусь, у меня серьезные намерения, – произнес Вацлав, с нежностью заглядывая в ее глаза, нависая над ней.

– Я верю тебе.

Последующие трое суток они почти не расставались. Ночью Божена тайком пробиралась в его комнату, а днем влюбленные скрывались в каком-нибудь укромном местечке, коих в замке имелось предостаточно, много целовались, много разговаривали. Божена уже знала, что род Вронов относится к мелкому дворянству, что Вацлаву двадцать один год, что у него есть совсем маленький брат, который вместе с родителями живет в Плоцке¹², а сам он три года назад поступил на службу к пану Мнишеку.

– А где ты так научился сражаться? Мне показалось, на турнире ты дрался даже лучше многих опытных воинов.

Вацлав улыбнулся на похвалу.

– Год назад я участвовал в военном походе короля Батория на Псков в гусарской роте Мнишека. Сражался на самой передовой.

– Говорят, Россия страна диких варваров. И управляет ею злобный тиран, – повторила Божена с чужих слов.

– Ты что, – рассмеялся Вацлав. – Нет там никаких варваров. Царь их может быть и тиран, так по-другому иногда и нельзя. Попробуй-ка такую огромную территорию в одних руках удерживать. Россия восхитительна. Удивительная земля. И идти войной на эти земли было глупостью. А какой Псков красивый!

– Ты так говоришь, что мне и самой теперь интересно побывать в тех землях.

– Побываешь. Вот поженимся, я найду способ свозить тебя в тот удивительный край.

Божена слегка нахмурилась.

– Вацлав, боюсь, мои родители не согласятся на наш брак. Мама уже что-то заподозрила, беседы со мной разные проводит, будто есть у них на примете для меня жених из знатных.

– Я тоже дворянин, – разгладил Вацлав на ее лбу набежавшую складочку. – Не переживай, моя божья девочка, я все продумал. Пан Юрий Мнишек мне благоволит, попрошу его, чтобы он тебя за меня сосватал. Твои родители не смогут старосте отказать.

Божена кинулась ему на шею. Обняла, покрыла лицо возлюбленного поцелуями.

Только не удалось такому хорошему и, как они думали, верному плану осуществиться.

– Вацлав, меня срочно вызывают в Варшаву на сейм¹³, – сообщил Мнишек, уже на бегу застегивая пряжку мехового плаща. – Часть свиты я забираю с собой. Ты же поедешь сопровождать пани Ядвигу с детьми в Саноцкий замок. Пани пожелала выехать сегодня и уже готовится к отъезду.

Вацлав заволновался. Если магнат¹⁴ сейчас уедет, то другой возможности получить согласие родителей Божены на брак с их дочерью у него может и не быть.

– Пан Юрий у меня есть одна просьба.

– Все потом. Сейчас некогда.

Несмотря на наметившиеся тучность и грузность, пан Юрий легко вскочил в седло и спешно отбыл.

Вацлав ругал себя последними словами. Получается, у Мнишека сегодня утром уже состоялся разговор с воеводой Джевицким, ведь не мог он уехать, не попрощавшись с хозя-

¹² Плоцк – город в Мазовии.

¹³ На сейме решались все важные государственные вопросы Речи Посполитой.

¹⁴ Так в Польше называли знатнейших представителей шляхты.

ином замка. Если бы только он передал свою просьбу накануне, а не выжидал подходящего момента... И пани Ядвига вот-вот даст отмашку выезжать.

Он решительно направился на поиски отца Божены.

Мацея Джевицкого с супругой нашел в одной из замковых башен, в круглом кабинете с четырьмя окнами и большим камином. Они разбирали какие-то счета.

– Уже уезжаете? – вполне дружелюбно спросил его воевода. – Мы с Катажиной сейчас спустимся, попрощаемся с пани Ядвигой.

Супруга Мацея смотрела менее дружелюбно. Но Вацлав не стушевался.

– Я пришел просить руки вашей дочери. Мы с Боженой любим друг друга.

– Любите? – от неожиданности сватовства растерялся воевода.

– Это ничего не значит, – резко ответила его жена. – О браке между вами не может быть и речи.

– Вы считаете меня недостойным?

– Не в этом дело, – смягчила тон Катажина. – Мацей, лучше скажи ему правду. Иначе, этот пылкий юноша будет и дальше искать встреч с нашей дочерью.

Воевода устало опустил в кресло.

– Наша семья испытывает сильные материальные затруднения, – признался он. – Содержание замка требует немалых средств. Лодзенское воеводство задолжало внушительную сумму королевской казне. В прошлом году, к неудовольствию торгового люда, мне уже пришлось значительно увеличить налоги, что позволило хотя бы частично рассчитаться с казной. Если в этом году я не внесу всю сумму, то лишусь воеводства.

– И спасение ситуации представляется в выгодном браке дочери?

– Именно так, – подтвердил Мацей.

– Мы уже нашли подходящего жениха, – решила открыть все карты Катажина.

– И кто он? – внешне спокойно, но внутри, кипя от негодования, спросил Вацлав.

– Князь Яцек Порыцкий. Бездетный вдовец. Он мечтает получить наследника, иначе род Порыцких прервется.

– Его не было среди гостей, – помнил Вацлав, что мужчину с таким именем не представляли.

– Он находится в Швеции в составе дипломатического посольства, – пояснил Мацей. – Следит за выполнением мирных договоренностей. Король обещает отозвать его в середине лета, как раз для того, чтобы князь мог устроить свою личную жизнь.

– Князь очень богат, – добавила Катажина. – И готов взять Джевицы на обеспечение.

– Не сомневаюсь, – сухо произнес Вацлав Врона.

Божена прибежала в его комнату, когда он уже был готов освободить ее. Он боялся, что придется уехать, так и не повидав девушку.

Как всегда, бросилась порывисто ему на шею. Вацлав так любил эту ее непосредственность, такую естественность, лишённую всякого жеманства. Обнял девушку, прижал к себе сильно.

– Я только узнала, что пан Юрий экстренно уехал, а во дворе стоит готовая карета для пани Ядвиги, – жарко зашептала она. – Ты уезжаешь?

– Да, любовь моя. И я... я получил отказ от твоих родителей на брак с тобой.

Божена разжала руки на его шее.

– А как же пан Юрий? Он не поручился за тебя? – пытливым взглядом она в его лицо.

Ее глаза уже заполняли слезы, она все знала наперед, но разве можно втолковать горькую правду влюбленному сердцу?

– Он сильно спешил, у него не нашлось времени выслушать меня.

Божена все-таки не удержалась, разрыдалась.

– Не плачь, божья моя девочка, я что-нибудь придумаю.

Вацлав крепко поцеловал ее в губы и ушел.

А она еще долго лежала на кровати, где прошедшей ночью он шептал ей ласковые словечки. Встала, лишь когда слышала шум за дверью. Слуги начали убирать освобожденные рыцарями комнаты.

– Милая, родители ждут тебя в круглом кабинете, – позвала ее старенькая няня Фелисия после того, как Божена не явилась на обед, сославшись на недомогание.

– Дочь, нам надо серьезно поговорить, – начал отец.

– Почему? Почему вы отказали ему? – перебила она его.

Мацею было жаль видеть свою девочку такой расстроенной, он на миг замялся. Тогда разговор в свои руки взяла более твердая Катажина.

– Вацлав Врона не чета тебе. Мелкий дворянин. Обычный мазур, посвященный в рыцари, – хлестко бросила она.

В устах матери слово «мазур» прозвучало оскорбительно.

– Но ведь дворянин же! – с горячностью бросилась защищать она своего возлюбленного.

– Без денег и без своего имения! – так же горячо отвечала мать.

– Пан Мнишек обещал отписать Вацлаву одно из своих прикарпатских имений неподалеку от Кросно.

– Божена, мы не можем зависеть от милостей пана Мнишека, – вмешался в их перепалку Мацей. – Наша семья в огромных долгах. Еще и турнир этот. Так некстати. Он съел наши последние сбережения.

Божена с удивлением уставилась на родителей.

– Мы банкроты?

– Да. Но у нас есть отсрочка. Король согласился подождать, так как твой будущий муж обязался после свадьбы оплатить ежегодную ренту за Джевицкий замок.

– Мой будущий муж? – прохрипела Божена.

Голос внезапно сел, грудь сдавило, а под ребрами неприятно сжалось.

– Король предложил кандидатуру князя Яцека Порыцкого, – сказал отец, отводя от нее глаза.

Услышав о вмешательстве короля, Божена осознала, что план Вацлава обратиться к Мнишеку изначально был провальным и в дальнейшем ничего не даст. Стоит старосте узнать об участии Стефана Батория, он не станет вмешиваться.

– Яцек Порыцкий – это тот князь, с чьих земель в Лодзь поставляют соль? – вспомнила Божена толстого и неопрятного князя, который навещал их в Джевицах прошедшим летом.

Выходит, он приезжал смотреть на нее.

– Да, – подтвердил ее опасения отец. – Князь овдовел, и король предложил ему присмотреться к дочери воеводы Джевицкого.

– И?

– Ты ему очень понравилась. Он попросит твоей руки этим летом, когда вернется из Швеции.

Значит, у меня целых полгода впереди, – воспряла духом Божена. За это время всякое может случиться.

– Князь чрезвычайно богат, Божена. У него даже имеется свой флот, – пристально глянула Катажина на дочь. – Соляные копи в его землях дают большой и стабильный доход.

Зато Вацлав молод и красив. А главное, мы любим друг друга, – подумала Божена.

Она обрадовалась отсрочке неприятной ей женитьбы и была уверена, Вацлав что-нибудь придумает. Он ведь обещал.

Только чего совсем она не ожидала, так это последующего строгого родительского надзора. Дочь воеводы оказалась фактически запертой в замке, никуда не могла выйти без сопровождения. И с каждым днем крепла уверенность, что от нее прячут письма Вацлава.

В однотипном и безрадостном состоянии провела Божена почти пять месяцев. Была бы она постарше, да поопытнее, то заметила бы неладное намного раньше. А так... заметила нянюшка.

– Пресвятая Мария! – взмахнула руками Фелисия, – подавая молодой хозяйке полотенце, когда та выбиралась из большой лохани с пенистой водой.

– Что такое нянюшка?

Но та только охала, причитала, прижимала руки к сердцу.

Божена рассердилась на старую дуреху.

– Пришли кого-нибудь из служанок, чтобы помогли мне одеться, раз сама не можешь, – строго сказала она.

– Панночка, миленькая, нельзя служанок, – забеспокоилась няня.

– Фелисия, в чем дело?

– Надо маменьку Вашу звать.

– Да позовем мы ее, только объяснись уже наконец, что тебя так взволновало!

Няня никак не могла прийти в себя, но побоялась, что девочка действительно кликнет служанок и тогда позора будет не укрыть. Потому заставила себя сказать:

– Беременны Вы хозяйюшка. Неужели сами не замечали, не чувствовали?

– Беременна?

Божена плюхнулась обратно в лохань с водой, прямо в завернутом полотенце. Часть воды вылилась, потекла по вымощенному красным кирпичом полу. Но обе женщины не обратили на это никакого внимания.

– Нянюшка? Что же мне теперь делать?

– Я за пани Катажиной побегу. Она решит, что делать.

– Фелисия, я боюсь, – захныкала, словно маленькая, Божена. – Мама меня убьет.

– Милая, теперь уж не исправишь ничего. А маменька твоя посердится немного, да поможет как-нибудь.

Фелисия оставила плачущую девушку и с резвостью, несвойственной ее почтенному возрасту, припустила искать главную пани.

Когда через пятнадцать минут она вернулась с хозяйкой замка, Божена так и сидела в лохани с остывшей водой и в промокшем полотенце.

К великому изумлению няни и девушки, Катажина не учинила скандала и не стала хлестать дочь по лицу, как иногда поступают матери в подобной ситуации.

– Божена, одевайся, – скомандовала пани. – Едем к доктору. Я знаю надежного, он будет молчать. Чтобы понимать, что делать дальше, для начала узнаем вердикт врача.

– И ты, Фелисия, молчи, – приказала она няне.

– Клянусь Пресвятой Девой Марией, никому ни словечка, – перекрестилась нянюшка.

Божена не в состоянии была думать и что-либо делать, она послушно дала высушить волосы и одеть себя няне. Потом также послушно отправилась за матерью в поданную карету, украшенную ярким гербом рода Джевицких.

– Восемнадцать-двадцать недель, – после осмотра сообщил доктор, к которому Катажина привезла дочь. – Сердце хорошо прослушивается. Скоро ребенок начнет активно толкаться.

Доктор понимал всю щекотливость ситуации, но счел нужным предупредить:

– Не советую на таком сроке прерывать беременность. Последствия для роженицы могут быть самыми непредсказуемыми.

– Против веры это, дите в утробе убивать, – молвила Катажина. – Божена будет рожать.

Дочь искоса глянула на мать. Не ожидала от нее такого. Неужели теперь ей разрешат выйти замуж за Вацлава?

А лекарь облегченно выдохнул. Не хотел грех на душу брать, да и панночку молодую жалко. Знал он таких, от отчаяния аборт тайный сделают, а потом до конца жизни слезы горячие льют, вину замаливают.

Обратно ехали молча. Катажина выглядела сосредоточенной, о чем-то размышляла. И Божена сидела тихонечко, боясь ее потревожить. Пусть лучше молчит, чем распекает. Первое шоковое состояние прошло, теперь в голове одна мысль сменялась другой, но она никак не могла ухватиться ни за какую из них. Что значит быть мамой? Справится ли она? Обрадуется ли новости Вацлав? А что, если нет? Женится ли он на ней? Разозлится ли князь Яцек Поряцкий? А вдруг родители выгонят ее из дома? Все эти вопросы сыпались слишком быстро, она не успевала обдумать один из них, как тотчас возникал следующий.

– Я кое-что придумала, – нарушила молчание мама, когда из окна кареты показались замковые стены. – Надо обсудить с твоим отцом. Ты ступай в свои покои и жди, когда позову. Слугам на глаза не показывайся, надеюсь, кроме Фелисии не заметил никто.

– Мамочка, я сама ничего не замечала, так и ...

Катажина не дала ей договорить.

– Ты не замечала по неопытности, а вот мне непростительно. Родную дочь упустила. Позволила обрюхатить заезжему рыцарику.

– Мама, не говори так. У нас все по обоюдному согласию было.

Катажина поджала губы и ничего не ответила.

Вечером того же дня между Боженой и родителями состоялся разговор в круглом кабинете. Когда девушка зашла, Мацей плотно закрыл за ней дверь. В помещении находилась и няня Фелисия.

– Значит так, дочь, – начала родительница. – Мы с твоим отцом рассматривали разные варианты и пришли к выводу, что упускать князя Поряцкого нам никак нельзя. Поэтому все договоренности с ним останутся в силе.

– Что!? – изумилась Божена.

Она-то уже нарисовала себе картинку счастливого семейного быта с Вацлавом и ребенком. В этом уравнении не было противного князя Поряцкого.

– Твой мазур не сможет содержать тебя и ребенка, а без денег князя мы все пойдем по миру.

– Но как вы собираетесь скрыть от князя мое положение? – в порыве отчаяния крикнула Божена.

– Не голоси, слуги могут услышать, – осадила ее Катажина. – Завтра ты уедешь вместе с Фелисией в Дембовицы. Это не так далеко отсюда, но и не настолько близко, чтобы встретить кого-то из знакомых.

– У меня там домик небольшой, – пояснила няня. – От сестры покойницы достался.

Божена вдруг поняла, родители хотят спрятать ее, скрыть от всех ее положение. А когда она родит, избавятся от ребенка. От их с Вацлавом малышки.

Девушку бросило в жар, стало не хватать воздуха. Она не может, не должна допустить такого.

Но мать удивила ее.

– Будешь жить в доме Фелисии до самых родов. Мы всем скажем, что ты уехала погостить к дальней родне. А я здесь, в замке, буду изображать из себя беременную. Поздняя беременность. Так бывает. Когда придет время рожать, приеду к тебе вместе с тем доктором, которого ты уже видела. Твое дитя выдадим за моего.

Божена задыхалась ровнее. Это было совсем не то, чего хотела она сама, но куда лучше того, если бы родители заставили ее прервать беременность или отдали бы ее ребенка в чужую семью. Она ощутила даже некую благодарность к ним.

– Почему вы решили поступить именно так?

– Ребенок наш внук, – ответил Мацей. – В нем кровь Джевицких. Если мы сейчас откажемся от него, то наш род может также угаснуть, как и род Порыцких. А князя с тобой познакомим осенью, когда все уляжется.

– Ожидание только подзадорит его, – неожиданно подмигнула ей мать.

Божена уехала. И весьма вовремя. Живот стал расти слишком быстро, груди набухли, на лице появилась отечность. Еще у нее отяжелели ноги, и никакая обувь не подходила, потому, она большую часть времени проводила в крохотном пространстве нянюшкиного домика. Лишь выходила босиком в заросший сад. Фелисия заботилась о ней, совсем как в детстве.

Так прошло чуть больше месяца, а потом случилось кое-что неожиданное.

– Душенька, гость к тебе, – предупредила Фелисия.

– Гость? – удивилась Божена.

Отложила картину мозаичную, что выкладывала вторую неделю. На полотне уже отчетливо проступал образ Пресвятой Девы Марии. Машинально поправила волосы, заплетенные в обычную косу, и обомлела. В дверях показалась до боли знакомая фигура.

– Вацлав, – каким-то не своим голосом произнесла она.

– Девочка моя божья, – рассматривал он ее с нескрываемым восхищением.

– Ты так смотришь на меня, а я совсем некрасивая стала.

– Некрасивая!? Да таких красавиц в мире просто нет больше!

Он наконец подошел к ней, обнял бережно.

Божена заплакала.

– Как же так? Откуда ты здесь? Я думала, не увижу тебя больше.

– Мне твоя няня написала.

– Фелисия? – изумленно обернулась девушка к старой женщине.

Старушка лукаво улыбнулась.

– Видела я, как вы смотрели друг на друга. Сразу видно, любовь промеж вами. И знаю, что письма ваши все перехватывались. А неправильно это. Так что, отправила я в резиденцию пана Мнишека письмо для Вацлава. Тебе, милая, не стала говорить, не знала дойдет то письмо, или затеряется где.

Божена растрогалась, поцеловала няню в щеку.

– Пойду, погуляю, – взяла Фелисия корзинку, с которой ходила на рынок, и оставила парочку наедине.

– Значит, ты писал мне?

– Писал. Но теперь понимаю, письма мои от тебя прятали.

– И я писала.

– Жаль до меня ничего не дошло. Как я хотел получить от тебя весточку!

– А я думала, ты позабыл меня.

– Невозможно забыть, – ласково целовал мужчину ее лицо. – Фелисия написала про хитроумный план твоих родителей. Божена, я не могу этого допустить. Особенно теперь, когда ты ждешь моего ребенка. Поехали со мной. Пан Мнишек поможет нам. А родители простят тебя со временем.

– Вацлав, пан Юрий не станет помогать, – отстранилась из его объятий Божена. – Князь Порыцкий протезе короля. Стефан Баторий отсрочил моему отцу уплату налогов при условии нашей с Яцеком женитьбы.

– Наплевать. Ты не обязана расплачиваться собою из-за проблем воеводы Джевицкого.

– Дело не только в долгах, – поцеловала Божена руку любимого мужчины.

Вацлав же гладил ее по волосам, наслаждаясь этими прикосновениями.

– Мама предупредила, если я проявлю своеволие, на тебя поступит донос, будто ты снательничал надо мной. А ты же знаешь, как поступит король. Если бы я была обычной девушкой, но я дочь воеводы. Тебя казнят, а имя твоего рода запятнают позором.

– Какая низость.

– Я люблю тебя Вацлав. Но вынуждена быть послушной воле родителей.

– Не говори так. Мы найдем выход.

До возвращения Фелисии они больше не разговаривали. Так соскучились друг по другу, что более не сдерживались, провалились в тот мир, который испокон веков существует лишь для двоих.

Они виделись все лето, вплоть до самых родов Божены. Вацлав не был свободным человеком, его присутствия требовала служба, потому, он преодолевал расстояние от Санока до Дембовиц за ночь, чтобы побыть с возлюбленной несколько часов, а затем отправлялся назад. Иногда Мнишек освобождал его от обязанностей, и Врона оставался в маленьком домике на пару дней.

Катажина с доктором приехали немного загодя, боясь пропустить начало схваток. Их приезд означал конец свиданий с Вацлавом.

Они с трудом разместились в тесном домишке. Теснота вызывала неудовольствие, добавляла нервозности, и когда к концу августа Божена наконец разродилась девочкой, все вздохнули с облегчением.

Божена устала от своего живота, а ее мать от подушки, которую вот уже четыре месяца подкладывала под платье.

– В замке ждет кормилица, – сообщила Катажина. – Я с дочкой возвращаюсь в Джевицы. А ты приедешь с Фелисией позже, как только окрепнешь.

– Возвращаешься с дочкой?

– Божена, привыкай. Эта девочка моя дочь и твоя сестра, – жестко вернула Катажина ее на землю. – Никто не должен знать правды.

У Божены из груди текло молоко, и пока мать с доктором собирались в дорогу, она кормила девочку. Сначала приложила кроху неловко, малютка никак не могла обхватить маленьким ротиком сосок. Но няня помогла, переложила девочку поудобнее, да под спину самой Божены приладила подушку.

Девочка довольно сопела, а молодая мама не могла отвести от нее глаз. Неужели это она сотворила такое чудо? И неужели всю оставшуюся жизнь ей придется делать вид, что она всего лишь сестра такого прелестного создания?

Ей было трудно отдать Катажине девочку, завернутую заботливыми руками няни в цветные пеленочку и одеяло. Но пришлось.

– Перетяни чем-нибудь грудь, – посоветовала Катажина, забирая ребенка. – В Джевицы возвращайся только после того, как молоко перестанет пачкать одежду. Иначе слуги все поймут.

– Конечно, мама, – с трудом отвела она взгляд от малютки и спрятала руки за спину. Божена боролась с желанием вырвать сверток из рук матери и не отдавать девочку никому.

Родительница с доктором уехали, а они с Фелисией остались. Будь рядом Вацлав, ей было бы легче, но пан Мнишек отправил его в свою резиденцию во Львове – Тарловскую каменицу, роскошный дом, который требовалось подготовить к переезду в него семьи Мнишек из Санока на осенне-зимний период.

До самого нового года с Вацлавом они увиделись всего раз. Встречу устроила верная нянюшка. Тринадцатого декабря, в день святой Люсии, родители Божены, как и большинство проживающих в замке, отправились к обедне в костел. Девушка отговорилась головной болью, и когда замок опустел, зашла в комнату девочки. Кормилица одевала ее для прогулки.

– Зофья, а ты разве не идешь на службу?

– Пришлось остаться, – вздохнула кормилица. – У молодой няни, которую пани Катажина для прогулок с дочерью наняла, живот прихватило. Придется мне Агнешу на улицу нести.

– Я могу с ней погулять, – вызвалась Божена.

Она-то знала, что Фелисия подсыпала в еду молодой няни слабительное.

– Правда? – обрадовалась Зофья. – А как же Вы сами? Не идете в храм?

– Голова разболелась. Мне как раз неплохо бы прогуляться. Может быть свежий воздух поможет.

– Вот спасибо Вам, госпожа.

Кормилица быстро закутала малютку, уложила в плетеную люльку-корзину, и сама снесла ее вниз.

Божена взяла люльку и выскользнула за ворота. В условленном месте поджидал Вацлав. Он крепко расцеловал ее, а затем склонился над ребенком. Девочка не спала, смотрела огромными глазищами на незнакомого мужчину.

– Агнеша, – ласково промурлыкал Вацлав. – Доченька.

Дотронулся легонько до детского носика. Малышка приоткрыла ротик.

Божена с Вацлавом рассмеялись.

– Такая же красавица, как и ты.

– У нее глаза совсем, как у тебя, – заметила Божена. – Такие же черные.

– Да. Это особенность рода Врона. У нас еще никто с другим цветом глаз не родился.

Божена, князь уже приехал? – сменил он тему.

– На прошлой неделе вернулся. У нас будет к дню Святого Сильвестра.

– Хорошо, что король его из Швеции раньше не отозвал.

– Хорошо, – согласилась Божена, – иначе свадьбу уже сыграли бы. А так они с отцом на февраль сговорились. Хоть какая-то отсрочка.

– Не пойдешь ты за него замуж, – твердо сказал Вацлав.

– Не могу не пойти. Князь уже часть долгов воеводства в королевскую казну оплатил и денег папе на ремонт замка дал.

– Божена, я не так просто с тобой этой личной встречи искал, – взял Вацлав ее за руки. – Друзья у меня есть среди донских казаков. Они согласились помочь. Укроют тебя с дочкой на время, спрячут. Никто не догадается где вы. Будут думать, что со мной сбежала, но я все время поисков стану неотлучно при пане Мнишкеке находиться. В Мазовии, в доме моих родителей, вас тоже не найдут. А когда успокоится все, я к вам приеду.

– Донские казаки? – испугалась Божена.

Ее знания о казаках сводились к тому, что эта грозная вольница участвует во всех заварушках, что им безразличны королевские законы, и важна им лишь хорошая добыча.

– Не бойся. В семье Заруцких я уверен, как в самом себе.

– Семья Заруцких – это те, у кого ты хочешь нас спрятать?

– Да. Глава семьи не простой казак, атаман. За его спиной тебе нечего бояться.

Он так уверенно говорил, что Божена отбросила все сомнения.

И вот, спустя две недели, она сидит за праздничным столом, терпит приставания князя Яцека и ждет назначенного часа. Они условились с Вацлавом на четыре утра.

– К этому времени все либо напьются, либо разойдутся спать, – пояснил Вацлав.

Он должен был раздобыть коня для Божены. Агнешу решили везти не в люльке, а посадить в специальную перевязь на груди. Ее вызвалась шить Фелисия. Няне также отводилась роль в отвлечении кормилицы, которая практически неотлучно находилась подле девочки.

– Придумаю что-нибудь, – пообещала Фелисия. – Зофья покушать любит. Преподнесу ей кусок пирога со снотворным. Пока она спать будет, ты с девочкой и улизнешь.

Божена заранее сложила вещи, которые потребуются ей в дороге. А вот вещи Агнешы придется складывать непосредственно перед бегством, иначе пропажи могут хватиться.

Ей было немного жаль родителей и того, как она собирается с ними поступить, но сама мысль пойти под венец вот с этим жирным князем, который нагло тискает ее во время танца, была омерзительна.

Вацлав верно рассчитал время для побега. Гости еще шумели, но были уже сильно пьяны. Никто не обратит внимания на то, как и когда исчезнут две дочки хозяев замка. Отделаться бы еще от настырного Яцека. Он хотя и выпил много, держался пока бодрячком. Девушке не нравилось, что он начал слишком распускать руки. Тогда она попробовала переключить его внимание на спор, затеянный ее отцом и архиепископом Карнковским с заезжими восточными торговцами, о возможном возобновлении войны между Польшей, Швецией и Россией за Ливонские земли.

Помогло. Яцек охотно включился в дискуссию, избавив Божену от своего общества.

Она же принялась отсчитывать минуты до того мгновения, как ей предстоит направиться на второй этаж в комнату дочери.

Вот только... не суждено было Божене сбежать.

Не один Вацлав правильно рассчитал время. Оно было идеальным как для побега, так и для нападения. В три часа ночи фельдмаршал Карл Генриксон Горн, один из командующих шведской армией, подвел свое войско к Джевицам. Попасть в укрепленную крепость не составило труда, ворота в эту праздничную ночь попросту были открыты.

Большая часть войска устремилась в замок. Остальные рассредоточились по территории крепости.

– Шведы! – закричал кто-то из гостей воеводы Джевицкого.

Неудивительно, что нападавших сразу опознали. Солдатская форма из сукна сине-желтой расцветки определенно указывала на принадлежность к шведской армии.

– К оружию! – крикнул воевода.

Но разве могли сопротивляться организованному и подготовленному противнику далеко нетрезвые люди, большинство из которых и оружия при себе не имели. Шведы заполнили весь замок. Они никого не щадили. Они пришли убивать.

Чувствовался запах гари. Начали гореть многочисленные наружные постройки замка.

Крики доносились отовсюду. И изнутри замка, и с улицы.

На глазах Божены творилось что-то ужасное. Людей резали, как свиней. Ее вырвало от вида разрубленных тел, вываливающихся кишок и багряной крови. Она вдруг заметила свою мать. Та бездвижно лежала на полу. Из горла женщины хлестала кровь.

– Мамочка! – склонилась над ней Божена.

Она попыталась зажать рану, но поняла, что уже не помочь. Катажина была мертва.

А прямо на девушку, ослабившись, надвигался здоровенный швед.

– Агнешка! – бросилась она на второй этаж.

Только бы спасти ребенка, – билось набатом в голове. Только бы успеть.

Но швед нагнал ее, схватил за волосы, потянул на себя. Божена рванулась, закричала от дикой боли, упала на ступеньки, поползла вверх, туда, откуда слышался детский плач. Швед не дал далеко уйти ей. Когда Божена доползла на четвереньках до галереи второго этажа, он вскинул меч и с одного удара отсек девушке голову.

– Нет! – закричал Вацлав, который подъехал к замку почти вслед за неприятельским войском и теперь сражался наряду с остальными.

Этой заминки хватило одному из напавших проткнуть Вацлава мечом насквозь.

Но Божена уже этого не видела, как не видела и того, что на убившего ее шведа кинулся раненый Мацей Джевицкий, ударил того ножом в шею, не видела, как швед не удержался на ногах, перевалился через перила галереи и полетел вниз, увлекая за собой ее отца. Два тела с грохотом рухнули на каменный пол. Спину шведа сломало пополам, а голова Мацея разлетелась вдребезги на кровавые ошметки.

Вацлав все это видел, умирая. Когда он испустил дух, с галереи второго этажа скатилась отрубленная голова его возлюбленной.

Чуть поодаль, в луже крове, распластался князь Яцек Порыцкий. В мертвых глазницах застыл ужас.

Той ночью замок Джевицы был сожжен дотла¹⁵. Долго потом с пепелища дикие звери растаскивали косточки, среди которых попадались и совсем крохотные, детские.

¹⁵ Так как книга «Маринкина башня» написана в жанре фэнтези, автор позволил себе некоторую историческую вольность – на самом деле Джевицкий замок был сожжен шведской армией в 1655, а не в 1583 году.

Глава 2. В которой Агнеша знакомится с семьей польских магнатов Мнишек

*Я, Мнишек, у тебя
Остановлюсь в Самборе на три дня.
Я знаю: твой гостеприимный замок
И пышностью блистает благородной
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надеюсь
Увидеть там.
А.С. Пушкин. Из пьесы «Борис Годунов»*

Дверь с кованой ручкой в виде двуглавого орла Агнеша, конечно, открыла и, конечно, заглянула посмотреть – что там за ней.

– Ничего себе! – от неожиданности увиденного вслух брякнула девушка.

Она находилась в длинной галерее, похожей на балкон, нависающий над небольшим, но роскошно оформленным залом. Его окна украшали резные каменные цветы. С галереи зал хорошо просматривался. Там собралось немало народа в исторических костюмах. И диалоги велись на польском языке.

Снимают фильм? – рассуждала Агнеша. Не похоже, так как нет операторов и всех тех, кто участвует в съемочном процессе помимо актеров. Более разумным выглядела версия, что тут идет репетиция спектакля.

Посмотрю пару минут и вернусь к группе, – решила она.

Говорил смуглый молодой человек, чье лицо портило родимое пятно на носу, вровень с правым глазом.

– Мы, Дмитрий Иванович, Божьею милостью царевич великой Руси, Углицкий, Дмитровский и иных, князь от колена предков своих, благодарим семью сандомирского воеводы пана Юрия Мнишека за оказанный прием и доверие.

– Для нас честь, царевич Дмитрий, принимать Вас у себя, – отвечал широкоплечий, тучный и грузный мужчина.

На его голове красовался расшитый золотой нитью берет со свисающим пером.

– Был счастлив с тобою познакомиться, Марина, – приложился тот, кого называли царевичем, к ручке молоденькой, невысокого роста девушке в богатых одеждах.

– Как только король и папский нунций примут меня, мы сможем вновь увидеться, – добавил он.

Последняя лекция по истории доцента Горелика еще не выветрилась из головы Агнеша, и она предположила, что здесь разыгрывается сцена отъезда Лжедмитрия из замка семьи Мнишеков после его первого знакомства с Мариной в марте одна тысяча шестьсот четвертого года.

В зале, помимо Марины, присутствовали еще две женщины. Одна, украшенная массивными ожерельями и браслетами, которую царевич назвал пани Ядвигой, судя по всему, играла роль жены Юрия и матери Марины.

Когда Дмитрий прощался с третьей из женщин, голубоглазой, рыжеволосой красавицей, от Агнеша не укрылось, каким долгим взглядом обменялись эти двое. Женщина была явно старше царевича, но их обоюдный интерес друг к другу казался очевидным.

Интересно, кто эта рыжеволосая? – думала Агнеша, отступая вглубь галереи. Пора было возвращаться. Она ведь еще сфотографироваться хотела. А тут как-то неуютно ей становилось. И сцена прощания, что она сейчас видела, совсем не напоминала спектакль. Все выглядело

слишком реалистично. И польская речь смущала. Если в этом зале и были актеры, то не русские, а настоящие поляки. Возможно, кроме Дмитрия. Тот говорил с акцентом.

Агнеша растерялась. Никакой двери, через которую она попала сюда, в сплошной стене галереи не нашлось.

У меня разыгралось воображение, или, это какая-то оптическая иллюзия, – успокаивала она сама себя.

Только за плечо ее ухватила никакая не иллюзия.

– Ты кто? – крепко держал ее толстяк лет двадцати.

Вопрос был задан на польском.

– А ты кто? – так же на польском спросила Агнеша.

Толстяк вытаращился на нее.

– Кто я? Ты не знаешь меня?

– Откуда мне тебя знать?

– Я Станислав Бонифаций, сын сандомирского воеводы Юрия Мнишека и хозяин этого замка.

– А что это за замок?

Станислав рассмеялся.

– Саноцкий замок. Он достался мне по наследству, и я живу здесь со своей женой Софией. Имя княгини Софьи Головчинской тебе тоже незнакомо?

– Незнакомо, – подтвердила Агнеша.

– Странная ты какая. Вот моя жена, смотри, – подвел он ее к перилам галереи и указал на рыжеволосую красавицу.

– Она старше тебя.

– Ну и что? – опять засмеялся Станислав Бонифаций.

Его смех привлек к себе внимание всех, кто оставался в зале. Царевич со своей свитой к этому времени замок уже покинули.

– Станислав, кто это там с тобой? – прогудел Юрий Мнишек.

Агнеша приняла тот факт, что оказалась в нестандартной ситуации, допустила, что, открыв ту дверь в Маринкиной башне в Коломне, попала во временную дыру. Она читала о таком явлении. Не верила конечно, но ведь происходит с ней сейчас нечто необъяснимое.

– Вот, незнакомку поймал, – спустился вниз по лестнице парень, таща девушку за собой.

Востроносенькая Марина смотрела на нее с большим любопытством. Красотка Софья изучающе. Пани Ядвига глядела с удивлением, как будто привидение увидела. Впрочем, воевода тоже выглядел удивленным.

– Надо же, – произнес он, пристально глядя на трофей старшего сына¹⁶.

– Юрий, она так похожа..., – прошептала пани Ядвига.

– Вижу, – остановил ее муж и обратился к чужачке.

– Как тебя зовут?

– Агнес.

– И какого ты рода, Агнес?

– Моя фамилия Джевицкая.

В данной ситуации Агнеше показалось уместнее представиться польской фамилией своей матери, чем русской отцовской.

Стоило ей назваться Джевицкой, как от группы, составляющей свиту пана Юрия, вперед выступил один из дворян.

¹⁶ Станислав Бонифаций второй сын супругов Мнишек, но к тому времени, когда Агнеша попадает в Саноцкий замок, их первенец Ян Стефан уже умер.

Черный, словно ворон, – мысленно охарактеризовала мужчину Агнеша. Такими черными казались его глаза и длинные волосы, завязанные в хвост. Одежда поляка также отличалась темным цветом, без каких-либо украшений и изысков. Все это выделяло его среди остальных мужчин в зале, коротко-стриженных, наряженных в яркие кафтаны и шляпы с перьями.

– Сколько тебе лет? – неожиданно зло спросил он.

– Двадцать один, – с вызовом посмотрела она на обозленного поляка.

Агнеша, несмотря на внешнюю мягкость, умела за себя постоять, и сейчас не собиралась позволять этому Ворону обижать себя.

Тот собрался сказать что-то еще, но пан Юрий остановил его.

– Януш, остынь. Даже, если она та самая девочка, не ей стоит мстить.

Выходит, фамилия Джевицких тут известна и как-то связана с ненавистью этого Ворона, – неслось в голове Агнеша. Надо бы порасспросить маму. Та говорила, что родни у нее нет, но возможно она что-то знает из истории своего рода.

– Ты очень похожа на Божену, – сказала пани Ядвига.

– Вы знали мою маму? – не подумав, лягнула Агнеша.

– Знали. Мы приезжали в Джевицы зимой. Тогда еще здоровствовал король Стефан Баторий, а наши старшие сыновья были совсем крохами, – немного печально улыбнулась пани Ядвига.

А Агнеша обратила внимание, что женщина совсем не старая и, хотя фигура ее расплылась, лицом она очень хороша, особенно вот с такой печальной улыбкой. Была бы Агнеша художником, обязательно запечатлела бы ее облик на полотне.

– Тогда-то твои родители и познакомились. Ведь Вацлав состоял в свите моего мужа и прибыл вместе с нами.

– Вацлав? Но моего отца зовут Матвей.

Русское имя по-польски звучало, как Mateusz, и Мнишеки по-своему расценили реплику Агнеша.

– Мацей Джевицкий приходился тебе дедом. Они с женой выдали тебя за свою дочь, чтобы скрыть ото всех, что твоей матерью на самом деле является Божена, – сообщил пан Юрий.

– Нам историю твоего рождения и того, что в Джевицком замке в ту страшную ночь произошло, архиепископ Станислав Карнковский рассказал, – добавила Ядвига. – Он единственный в той резне живым остался. Шведы пощадили его, видимо из уважения к церковному сану. Но все думали, что девочка тоже погибла. Ведь на пепелище нашли детские останки.

– В замке мог быть еще чей-нибудь ребенок, о котором архиепископ не знал. Он и погиб, – предположил пан Юрий. – Как же ты выжила?

– Не знаю, – честно ответила Агнеша.

– А где жила все это время?

– В Варшаве. Наверное. Или в Кракове.

Агнешка несколько раз бывала в Польше с мамой и более-менее представляла, где тут что находится. Но сейчас-то она в Речи Посполитой, могло все и по-другому быть.

– Ты что, провалами в памяти страдаешь? – ехидно спросила ее рыжеволосая Софья.

– Страдаю, – обрадовалась подкаске Агнеша.

– Папочка, пусть Агнес у нас поживет и завтра с нами в Самбор едет, – неожиданно стала просить Марина. – С тех пор, как Аннушка уехала, мне совсем одиноко.

– Что ж, – принял решение пан Юрий, – мы ведь имеем косвенное отношение к твоему появлению на свет. Поживешь у нас, пока не вспомнишь, где твой дом. А Мнишеки от одного лишнего рта не обеднеют.

Для Агнеши такое предложение было наилучшим в сложившейся ситуации. Ее не выгнали на улицу и не особо озаботились тем, как девушка вообще появилась в доме воеводы. Ночью она попробует найти ту треклятую дверь.

– Пан Юрий, Вы доверяете ей?

Злой голос Ворона нарушил благостные думы Агнешки.

– Она может быть шпионкой, – не унимался он.

Так бы и треснула этого гадкого поляка. И что он к ней прицепился?

– Януш, если она шпионка, тем интереснее, – усмехнулся Юрий Мнишек.

Агнеша вспомнила, как историк Горелик, а за ним и гид Юлиан характеризовали воеводу авантюристом, интриганом, мастером закулисных игр. Стало ясно, что странное появление какой-то воскресшей девочки возбудило интерес пана, потому он и позволил ей остаться. Марина своей просьбой предоставила отцу отличный предлог для того, чтобы дать кров незваной гостье.

Ворон тяжело глядел на нее.

А не придет ли он этой ночью убивать меня? – по-настоящему испугалась Агнеша. Все шляхтичи в этом зале при оружии. Даже у добродушного толстяка Станислава сабля за поясом. Она пыталась вспомнить, имелось ли в семнадцатом веке какое-либо огнестрельное оружие. Хотя, какая разница. Если этот мрачный тип явится по ее душу, она не спасется ни от меча, ни от огнестрела.

Обстановку разрядила пани Ядвига.

– Софья, выделите пожалуйста нашей гостье какую-нибудь одежду для сна, а ты, Марина, проводи Агнес в любую комнату для гостей на первом этаже.

Затем она обратилась непосредственно к ней:

– Мы уже поужинали. Я распоряджусь, слуги принесут в твою комнату еды.

– Спасибо, – поблагодарила Агнеша.

– Идем, – подхватила ее за руку Марина своей маленькой ладошкой. – Я чувствую, мы с тобой подружимся.

Агнеша улыбнулась такой горячности. Неужели, именно вот эту жизнерадостную и добрую девочку в ее ближайшем будущем заклеймят расчетливой проходимкой?

– Кто такая Аннушка? – спросила она, пока они кружили по многочисленным замковым коридорам.

– Моя старшая сестра. Мы с ней очень близки. Но ее выдали замуж за сенатора Петра Шишковского. Он очень знатного рода, – поделилась Марина. – Так что теперь мы редко видимся. А Ефросина, моя младшая сестрица, противная. С ней я не общаюсь. Она вредная, своевольная и даже смеет перечесть папеньке. Ее в Самборе оставили. Но ты с ней завтра сможешь познакомиться. Только не смей с ней дружить против меня, хорошо?

Агнеша рассмеялась и пообещала.

– Хорошо. Только скажи, что такое Самбор?

– О! Ты и правда память потеряла, раз спрашиваешь. Самбор – богатейшая земля всего королевства – целых сто пятьдесят деревень и шесть соляных копий. Через него идет торговый путь в Венгрию. А как там красиво! Столько пихт и дубов ты нигде больше не увидишь! У нашей семьи там замок. Папенька является главой магистрата Самборы и заседает в городской ратуше¹⁷.

– Станислав сказал мне, что Саноцкий замок достался ему по наследству. То есть, у вашей семьи два замка?

На этот раз рассмеялась Марина.

¹⁷ Фрагменты двухэтажной ратуши сохранились до наших дней, в том числе барельеф 1606 года с изображением Юрия Мнишека.

– У нас их намного больше. И да, Санок отписали Станиславу. А мы приезжаем сюда охотиться. Тут самые лучшие охотничьи угодья во всем Прикарпатье.

– Ты тоже охотишься? – удивилась Агнеша.

– Конечно. Я отлично езжу верхом и метко стреляю, – гордо ответила Марина. – Папенька всему обучил меня и сестер. На наши земли часто кто-нибудь нападает. И он считает, что женщина должна уметь защищать себя. Но пока эти навыки пригождались мне лишь в охоте на диких зверей.

– Похоже, ты всецело доверяешь своему отцу.

– Еще как доверяю. Он такой умный! Да ты и сама в этом убедишься, если погостишь у нас подольше. Папенька умеет приумножать богатства семьи и всегда находит выгодные партии для своих детей. Вот и сегодня, мы прибыли в Саноцкий замок не для охоты, – перешла на шепот Марина. – Ты видела царевича Дмитрия?

– Видела, – также шепотом ответила Агнеша.

– Папенька хочет устроить брак меж нами. Представляешь, я могу стать царицей!

– Представляю, – вздохнула Агнеша.

Ей было обидно за совсем молодую девушку, за тот восторг, который сквозил в ее шепоте и за тот двусмысленный взгляд, которым обменялись царевич с невесткой Марины. Все-таки, как жестоко обойдется с ней судьба.

– Мы пришли, – сообщила Марина. – Эти покои для гостей считаются самыми лучшими.

Они зашли в просторную светлую комнату.

Агнеше понравилось. Здесь даже имелся вмонтированный в стену умывальник из черного мрамора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.